

Азъ

Поэмы

Карина Шаинян

Цветной
Дозор

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Ш17

Серия «Дозоры»

Серийное оформление А. Фереза

Художник В. Половцев

Автор идеи С. Лукьяненко

Шаинян, Карина Сергеевна.

Ш17 Цветной Дозор: [фантастический роман] / Карина Сергеевна Шаинян. — Москва : Издательство АСТ, 2016. — 352 с. — (Дозоры).

ISBN 978-5-17-088441-4

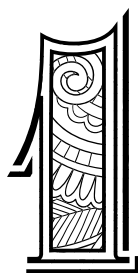
Мир Иных сходит с ума, и спираль событий все туже закручивается вокруг скромной художницы из Новосибирска, путешествующей по Азии с рюкзаком за плечами. Она не желает принимать магический дар и мир, разделенный на Свет и Тьму.

Кто же она — хладнокровная преступница? Слепое орудие Судьбы? Пешка в интригах Великих? Или Светлая волшебница, наделенная собственной волей? Чтобы сохранить жизнь и свободу, ей придется сразиться с теми, кто намного сильнее, и решить задачу, с которой не смогли справиться самые умные и опытные маги.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© С.В. Лукьяненко, 2013
© К. Шаинян, 2015
© ООО «Издательство АСТ», 2016

часть

Игра
с тюремщиком

Пролог

Кто-то снова сверлил взглядом затылок, прячась в веселой пьяной толпе. От грохота музыки, несущейся из баров, и пульсирующих в темноте огней гудела голова, по спине стекали струйки пота. Тошнотворно чадил жаровни. Удобные спортивные сандалии, идеально приспособленные для долгой ходьбы, давно превратились в орудие пытки.

Иван Алексеевич едва соображал от жары и усталости: главная туристическая улица Бангкока оказалась не по зубам пожилому преподавателю из Москвы. Только ослиное упрямство не позволяло ему сдаться и откликнуться на призывные крики тук-тукеров. Мозг отказывался работать: учитель не мог даже понять, в какую сторону идет. Похоже, автор путеводителя, советовавший прогуляться вечером по Каосан-роуд, либо был полным идиотом, либо ненавидел туристов и изоциренно мстил им за что-то.

Под ухом отчаянно зазвенел бубенчик; больно толкнуло в поясницу, локоть въехал в горячее и влажное. Чертыхнувшись, Иван Алексеевич шархнул от тележки с жареной лапшой, брезгливо сбросил с руки несколько налипших вермишелей. Машинально схватился за карман — на месте ли кошелек, — по-

тер затылок: давление чужого недоброго взгляда не ослабевало, пробиваясь даже в затуманенное, перегруженное сознание. Из толпы выдвинулось грязноватое лицо: то ли совсем юная девушка, то ли почти старуха, то ли азиатка, то ли смуглая европейка... Волосы сбиты в объемистый колтун, рваная футболка, блаженная улыбка сумасшедшей. Иван Алексеевич испуганно моргнул, оглянулся — женщина уходила прочь, легко раздвигая толпу и глядя в ночное небо, едва видимое за заревом огней.

Самое подходящее место, чтобы сходить с ума, решил Иван Алексеевич. Странно, что он сам еще вменяем... хотя паранойя уже появилась: иначе с чего бы чудилась слежка? Кому нужен такой человек, как он? Впрочем, он не совсем человек... Спихватившись, Иван Алексеевич напрягся, пытаюсь рассмотреть ауру уходящей женщины. Перед глазами заплескали темные точки, басовито загудело в ушах, и он, плюнув, махнул рукой: нашел время. Надо выбираться из этого туристического ада. Вернуться в отель, к Олюшке, к кондиционеру и прохладным простыням, на которых так приятно будет вытянуться после душа...

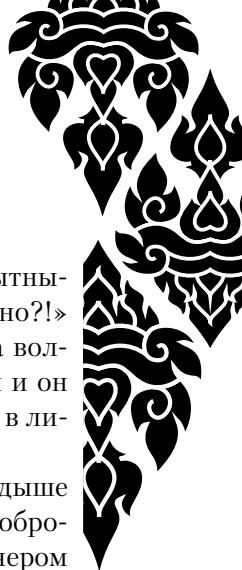
Такси сюда не пробьется, но не ехать же через пол-Бангкока на тук-туке. Иван Алексеевич снова почесал затылок: до чего же мерзкое ощущение. Слегка похоже на легкое давление, которое он изредка чувствовал на улице, когда кто-то сканировал его ауру: Иной, Светлый, едва тянет на седьмой уровень, ни в каком Дозоре, конечно, не состоит. Но в отличие от мимолетного касания прохожего это ощущение никак не проходило: Иван Алексеевич стал объектом чьего-то пристального внимания. Это было крайне странно. Никакого интереса для сородичей скромный учитель математики не представлял, и это его полностью устраивало.

Иван Алексеевич был доволен своей жизнью и точно знал, что на своем месте, практически не пользуясь магическими способностями, приносит людям намного больше пользы, чем в качестве недоволшебника. Он так и не привык к образу мысли Иных, предпочитая обходиться здравым смыслом и знанием людей, не подводившим его ни до поздней инициации, ни после. Большую часть времени, прожитой в шкуре мага, его не поки-

дало ощущение игры. Каждый раз, сталкиваясь с более опытными сородичами, он хотел воскликнуть: «Вы что, серьезно?!» В мире хватало и добра, и зла без всякого вмешательства волшебников, к которым невероятным образом принадлежал и он сам. Иван Алексеевич знал об этом больше многих: работа в лицее давала достаточно пищи для размышлений.

Впрочем, кое-чему его научили, и он подавил в зародыше желание проклясть тот момент, когда твердо решил быть добросовестным туристом. Умница Олюшка сдалась ранним вечером и осталась отдыхать в отеле. Она умела не врать себе и меняла грандиозные планы сразу, как только понимала, что они невыполнимы. Но Иван Алексеевич всегда был упрямым человеком. В списке достопримечательностей значилась Каосан-роуд — значит, он должен туда попасть. «Из антропологического интереса», как говорила его коллега-биолог. Отдохнуть можно и завтра: всего в часе лета их ждет маленькое бунгало на пляже. И пусть ученики думают, что их преподаватель только и способен, что сидеть со старушкой женой у телевизора, — они с Олюшкой еще помнят, как развлечь себя на тропическом острове. При мысли о жене Иван Алексеевич улыбнулся. Она с таким азартом собиралась в долгожданный отпуск, так тщательно выбирала яркие парео и легкие брюки для прогулок. И вынула из шкатулки коралловый браслет, который не надевала уже лет десять. Иван Алексеевич купил его на ялтинской набережной, когда они оба еще были студентами...

Да ради одной Олюшки стоило оставаться человеком. Иван Алексеевич и на инициацию-то согласился, чтобы порадовать бывшего ученика, обнаружившего у своего преподавателя слабые способности Иного. Впрочем, роли поменялись ненадолго: вскоре парень погиб, странно и страшно. Иван Алексеевич подозревал, что виной тому были магические способности и подготовка к новой работе, которой бедняга так гордился. Учился он там вовсе не математике... Возможно, для него это ощущение слезки успело стать привычным, и бедный мальчик, сгинувший в борьбе со злом, знал бы, что с ним делать.

Выйти к улице с нормальным движением, не отданной на растерзание туристам, все не получалось. Иван Алексеевич едва не споткнулся о девушку, сидящую прямо на мостовой. Перед ней на куске холстины были разложены сережки, и учитель приостановился: раз уж застрял здесь, стоит присмотреть приятную мелочь для жены. Олюшка и так расстроится из-за того, что он не привезет ни единой фотографии. Но доставать камеру сил не было. Сил не было ни на что. Уже давно Иван Алексеевич не чувствовал себя таким слабым и разбитым. Ничего не скажешь, хорошо начинается отпуск...

* * *

Как добросовестные туристы, они с Олюшкой не стали брать в аэропорту такси, а сразу отправились на станцию скай-трэйна: прокатиться по эстакадам, проложенным высоко над улицами Бангкока, было первым пунктом их программы. Но поезд ушел из-под носа, оставив их дожидаться следующего на футуристичного вида скамье посреди опустевшей станции. Олюшка, конечно, задержки снести не могла, тут же вытащила взятую на выходе из аэропорта карту. Они обговаривали маршрут много раз, тщательно изучили путеводитель, но ей не терпелось уточнить детали. С большей частью достопримечательностей все было просто, и только Каосан никак не вписывалась в маршрут: не на автобусе же ехать... Тратиться на такси, чтобы стоять в кошмарных бангкокских пробках, не хотелось, а других способов добраться до этой улочки ни Иван Алексеевич, ни Олюшка не видели.

Станция постепенно заполнялась новой порцией пассажиров. Прошагал мимо высокий парень со спортивной сумкой через плечо. Иван Алексеевич припомнил, что они летели одним рейсом. На соседней скамье расположились два тайца в безупречных костюмах. Прошли, щебеча, несколько стюардесс с чемоданчиками на колесах...

Позоры

Часть первая • Игра с тюремщиком

Пролог

Иван Алексеевич с Олюшкой обстоятельно спорили над картой, когда в разговор вмешалась светловолосая девушка с обгорелым носом и тощими руками, увешанными фенечками. Под ногами у нее стоял небольшой рюкзак, до того пыльный, что изначальные цвета рассмотреть уже было невозможно. Девчонка оказалась русской. Говорила она слишком бурно, с нехорошим подъемом и истерическим блеском в глазах, и поначалу Иван Алексеевич слушал просто из вежливости, чтобы не огорчать и без того чем-то растревоженную девочку. Однако вскоре он заинтересовался: оказалось, способ избежать пробок все-таки был. Лодки-автобусы, курсирующие по каналам, в путеводителе не упоминались, но девчонка говорила уверенно, да и выглядела как опытная путешественница. «Заодно посмотрите на Бангкок изнутри», — добавила она под конец.

* * *

Лучше бы девочка промолчала, тоскливо подумал Иван Алексеевич, — тогда бы он наверняка поддался лени и остался с женой. Не было бы ни чудовищной усталости, ни дурного предчувствия надвигающейся беды. Но возможность прокатиться по каналу его заворожила. Правда, посмотреть на Бангкок изнутри не вышло: как только лодка отчалила, кондуктор поднял пластиковые шторы вдоль бортов. Они полностью загородили обзор, но не защитили от брызг грязной воды. Однако в остальном девушка оказалась права, и вскоре Иван Алексеевич уже выбрался на Каосан — «очень шумно и очень вульгарно, но вы должны это увидеть».

Что ж, увидел, хватит. Его вдруг охватило паническое желание бежать — прочь отсюда, от грохота, от толпы, от лиц, похожих в свете мертвенно-яркого электричества на злобно оскаленные маски. От раскаленного мангала пахло жареной рыбой; Иван Алексеевич остановился, дав спазмы в желудке, и парень в ярко-розовой футболке тут же схватил его за плечо. «Заходи-

те, попробуйте наши коктейли, очень крепкие, очень дешевые». Иван Алексеевич испуганно застонал и шарахнулся, выдираясь, толкнул бирманку с лотком, набитым сувенирами. Бисерные браслеты и деревянные лягушки разлетелись по мостовой. Пробормотав извинения, Иван Алексеевич почти бегом бросился прочь, и ему не нужна была магия, чтобы понять: вслед несутся проклятия.

Вскоре стало ясно, что он окончательно заблудился. Это была уже не Каосан, а одна из соседних улочек, поглощенных туристическим спрутом. Иван Алексеевич стоял посреди толпы, сжимая в потной ладони пакетик с коралловыми сережками — как раз под браслет Олюшке. Он не помнил, когда и где купил их. Он был мокрый от пота, сердце неровно колотилось в груди. Давление в затылке так и не прошло и даже усилилось. Ивана Алексеевича охватило ощущение зла, скрытого за спиной, — не черноты, исходящей от Темных Иных, а ослепительного, сияющего зла, от которого, как от холода, съезживалась кожа на спине и вставали дыбом мельчайшие волоски. Это уже не лезло ни в какие ворота, и Иван Алексеевич велел себе не валять дурака. Вспомни, когда ты почувствовал этот взгляд, сказал он себе: днем, после того как отмахал с Олюшкой несколько километров по Бангкоку и подробно осмотрел два храма. И это после перелета, не привыкнув толком к разнице во времени. Сам себя довел до безобразной паники... Жара и усталость — вот причина дурацких ощущений. Жара и усталость, а не внезапный интерес со стороны Иных.

Оглядевшись, Иван Алексеевич неуверенно свернул в узкий безлюдный переулок — судя по указателю, он должен был вывести на Каосан. Стоило пройти несколько шагов, и его охватили блаженные тишина и прохлада. В голове прояснилось, адреналиновая волна наконец схлынула. Только теперь Иван Алексеевич понял, насколько устал. Он едва волок ноги; шарканье сандалий эхом отражалось от гладких стен. Впереди широкие окна кофейни заливали золотистым светом брусчатку; за ними виднелись небольшие столики, плетеные кресла, грифельная

доска с меню над стойкой. Милое местечко — и почему-то совершенно пустое. За прилавком чернела голова бариста; похоже, тот спал в ожидании посетителей. Едва заметный ветерок принес запах свежих булочек и корицы. Чем ближе подходил Иван Алексеевич к кафе, тем прохладнее становилось; похоже, переулок был крытый, и в нем работали мощные кондиционеры. Он поднял голову, но увидел лишь мутновато светящуюся темноту — то ли полупрозрачную крышу, то ли вечно скрытое тучами и смогом небо Бангкока. Взглянул на часы. Выпить кофе в уютном и прохладном помещении было очень соблазнительно. Он так устал. Присесть бы, вытянуть гудящие ноги. Может, даже незаметно снять сандалии и прижать горящие ступни к прохладному, почти холодному плиточному полу. Это было бы хорошо... но Олюшка, наверное, уже заждалась.

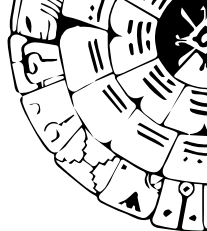
Переулок уходил влево, и оттуда доносилось журчание воды. Иван Алексеевич еще раз взглянул на часы. Времени на кофе не было, и он, вздохнув, побрел дальше.

Стену, преградившую путь, сплошь покрывала курчавая лиана с мелкими листочками, изумрудно-зеленая в лучах скрытой подсветки. Сверху стекали тонкие струйки воды, образуя тихий водопадик. Слева от стены виднелся проход, и Иван Алексеевич двинулся туда, с наслаждением вдыхая влажный и прохладный, пахнущий зеленью воздух. Не удержавшись, протянул руку, подставил ладонь под восхитительно холодную струйку, огладил упругие, плотные листочки лианы. Оазис в туристическом аду. Невозможно поверить, что всего в двадцати метрах отсюда орут динамики, а улицы запружены радостной, но бестолково-взвинченной толпой. Здесь было так тихо, что давление, к которому Иван Алексеевич почти привык, которое так ловко себе объяснил, вдруг стало невыносимо тревожным. Он оглянулся, подавшись нервам, и, вспомнив уроки, взглянул сквозь Сумрак. Конечно, пусто. А странно все-таки, что здесь никого нет: вряд ли его одного выматывает толпа...

— Здесь никогда никого не бывает, — ласково прошелестело за спиной. — Удачное место, чтобы отдохнуть. Прилечь...

Дозоры

Карина Шаинян • Цветной Дозор

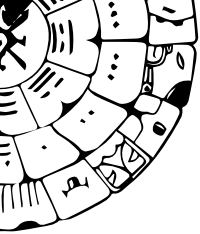
Иван Алексеевич громко втянул в себя воздух от неожиданности, дернулся — к свету, к людям, в толпу, прочь от этого пугающе блаженного места, от этого ужасающе доброго голоса. Остатки здравого смысла тоненько вопили, что человечья жизнь не удалась, что он зря согласился на инициацию, что он открылся силам, которых не понимает и с которыми не может справиться... Иван Алексеевич хотел бежать, но усталое, измученное тело не соглашалось с ним. Тело считало, что призрачный голос прав, тело хотело лежать на прохладном, влажном от брызг цемента.

Вода в фонтане была сладкой на вкус и пахла мокрой травой. Иван Алексеевич улыбнулся и с довольным вздохом опустил руку под щеку. Он только чуть-чуть отдохнет и пойдет дальше. Только чуть-чуть...

Журчание воды заполняло все вокруг, становилось громче — и в то же время мягче, нежнее. Так тихо и прохладно. Так хорошо. Что-то кольнуло руку; Иван Алексеевич разжал кулак и увидел пакетик с сережками. Сквозь захватанный мутный пластик кораллы походили на капли крови, упавшие в пасмурное море. Олюшка ждет, подумал Иван Алексеевич, но впервые при мысли о жене его сердцу не стало теплее. Потерпит, подумал он. Он только немного отдохнет и пойдет искать такси. Пусть подождет. Она не станет беспокоиться — ведь Иван Алексеевич совсем не волновался. Его сердце билось все спокойнее, все медленнее.

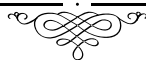
Пока не остановилось
совсем.

Глава 1

Like a Rolling Stone

Отражение Тави плавало в зеркале, как в горячем аквариуме. По стеклу прошла тень, и за спиной беззвучно возник продавец с охапкой ярких тряпок в руках.

— Вам идет.

Тави прижала ярко-голубую футболку к груди. Впервые за долгое время перед ней было зеркало в полный рост, а не пристроенный над умывальником мутный огрызок, в котором едва помещалось ее лицо. Нос облез и покрылся веснушками. Выгоревшие волосы похожи на солому: на второй день работы она собрала их в конский хвост и отрезала одолженными у Сильвии портновскими ножницами. Медный браслет на костлявой лодыжке. Облупленный ярко-розовый лак на ногтях, на ключице — незамеченный мазок краски. Пестрые шаровары-афгани, нелепые, но невероятно удобные, задубели от акрила. И майка вся в пятнах. Акрил — такая штука: отстирать его от ткани можно только в том случае, если ты нарисовала что-нибудь стоящее. То, что жалко было бы потерять. Тогда его возьмет любая стиральная машинка. А вот если испачкалась случайно...

Тави вздохнула и отложила футболку в сторону. Продавец смотрел на нее с сочувствием — хрупкий большеглазый индеец

